

В. А. РАНОВ

РИСУНКИ КАМЕННОГО ВЕКА В ГРОТЕ ШАХТЫ

Осенью 1958 г. археологическая группа Памирской экспедиции АН СССР под руководством автора открыла на Восточном Памире интересные наскальные изображения, описанию и предварительной интерпретации которых посвящена настоящая статья.

Рисунки были обнаружены в небольшом гроте Шахты I, расположенном в 40 км на Ю-З от районного центра Восточного Памира — поселка Мургаб. Грот находится в левом борту ущелья Шахты, лежащего в устье Куртеке-сая. Ущелье это врежется в массив палевых юрских известняков, в которых эоловые и карстовые процессы выработали большое количество труб, щелей, провалов, скальных навесов и гротов. Абсолютная высота грота около 4200 м над уровнем моря, высота площадки над конусом выноса ущелья Шахты 60—80 м. Подход к гроту удобный — узкая тропинка идет по крепкой щебенчатой осыпи. Грот сухой, открыт на восток, хорошо освещен солнцем. Ширина его у входа 7,5 м, глубина 6 м. Скальный потолок высокий, не менее 25—30 м (рис. 1). Образовался грот в результате карстового размыва тектонической трещины. Южная стена, на которую наносились рисунки, наклонена к плоскости пола примерно на 50°. В прошлом рисунками была покрыта площадь не менее 20—25 м², о чем свидетельствуют отдельные линии и пятна краски, кое-где сохранившиеся на разрушенной выветриванием поверхности. Только благодаря особо удачному наклону части скалы время пощадило несколько рисунков, образующих своеобразный «фриз», вытянутый с востока на запад на высоте 1,6—2 м от уровня пола (рис. 2).

Все изображения (всего их 7, но хорошо сохранились лишь 4 фигуры) нанесены минеральной краской. Материал для краски древние обитатели грота брали здесь же в трещинах стены, где встречаются порошковидные высыпки железистых соединений. Краска имеет два тона: светлый («кирпичный» цвет), и более темный («бордовый» цвет). Чаще использовалась краска светлого тона; «бордовая», представляющая собой более сильную концентрацию красителя, применялась в основном лишь для отдельных деталей. Однако один частично сохранившийся рисунок, перекрывающий изображения «кирпичного» цвета, сделан «бордовым» (рис. 3)¹. За исключением первой фигурки, все изображения контурные, линейные. Линии рисунка сравнительно тонкие (1,5—2 см), неровные, часто подправлены добавочным слоем краски. По-видимому, рисунок наносился непосредственно пальцем.

¹ На рис. 3 «кирпичная» краска передана заливкой тушью, «бордовая» — штрихами. Вследствие шероховатости скалы калькирование рисунков было весьма затруднено. К тому же даже самое слабое прикосновение к рисункам вызывало осыпание краски. Проверенная по фотографии прорисовка представлена на настоящем рисунке. Он не претендует на абсолютную точность, но более четко, чем фотографии, передает некоторые детали и соотношение изображений.

Рис. 1. Грот Шахты, общий вид входа

Самое крайнее от выхода (восточное) изображение — фигурка человека, замаскированного под птицу (рис. 3, слева). Высота фигурки 23 см. Рисунок теневой, вся поверхность изображения покрыта относительно темной краской. Хорошо различаются детали: высокая шея, крупное туловище, клюв и шишечка на голове «птицы», великолепно сохранились прямые длинные ноги с четко выделенными человеческими стопами. Ниже «человекоптицы» и несколько выше справа — два непонятных неоконченных или несохранившихся рисунка, с которыми, очевидно, была композиционно связана фигурка человека. Птица, под которую он замаскировался, более всего напоминает страуса. Конечно, это могла быть и птица из отряда журавлиных (журавль, дрофа)², но против такого предположения прежде всего говорят размеры птицы.

² Ср. рисунок птицы из Куруг-Тага (Северный район Лобнора) в работе: F. Bergman, *Archaeological researches in Sinkiang*, «The Sino-Swedish expedition», Publ. 7, Stockholm, 1939, табл. XVI, а. ,

Рис. 2. Грот Шахты, общий вид изображений (фото)

Как отметил А. А. Формозов, маскироваться под дрофу не имело смысла — животные испугались бы такой большой дрофы³. Изображения страуса нередки среди наскальных рисунков Африки, причем наряду с реалистическими изображениями типа рисунков из Хабетера⁴, Джерата⁵ и др., здесь имеются и очень стилизованные рисунки. Среди последних особо интересны выгравированные страусы из Адрар-Анет,

³ А. А. Формозов, Книга о наскальной живописи Узбекистана, «Сов. этнография», 1951, № 3, стр. 215.

⁴ L. Frobenius, Ekade Ektab, die Felsbilder Fezzans, Leipzig, 1937, табл. XXIII, XXVII, XXVIII и др.

⁵ M. Reygasse, Gravures et peintures rupestres du Tassili des Ajjers, «L'Anthropologie», т. 35, № 5—6, 1935, рис. 12.

очень напоминающие наш рисунок⁶. (рис. 4, 1). Скорее всего в гроте Шахты нарисован охотник с дубинкой в руке, отведенной для броска (линия, проведенная выше туловища). Рисунок имеет аналогии среди других изображений охотников, замаскированных под птицу (рис. 4, 3). Однако можно предложить и другие объяснения⁷.

Рис. 3. Грот Шахты, общий вид изображений, прорисовка (размеры приведены в тексте)

Следующие две фигуры нарисованы одна против другой, но вряд ли они связаны между собой композиционно (рис. 3 в центре, рис. 5). Они изображают дикого кабана и медведя, или двух кабанов⁸. От левой фигуры сохранилась только половина (длина 40 см). Художник специально подчеркнул характерные черты животного: массивный загривок,

Рис. 4. 1 — изображения страусов из Адрар-Анет (по Н. Allimen); 2 — изображение, охотника из Зараут-сая (по А. Рогинской); 3 — изображение охотника, замаскированного под страуса (по Н. Allimen)

маленькие стоячие уши и длинную морду. Ног у этой фигуры нет. На их месте — линии, выполненные «кирпичной» краской темного тона. Они, несомненно, связаны с изображением в одно целое, но никак не могут передавать ноги животного. Эти ритмически повторяющиеся линии

⁶ Приведены у Н. Allimen, *Préhistoire de l'Afrique*, Paris, 1955, стр. 426, рис. 118 (есть русский перевод).

⁷ Мы не останавливаемся на этом вопросе более подробно, так как существует обширная литература, посвященная интерпретации изображений «полулюдей-полуживотных»; см., например, E. Saccasyn della Santa, *Les figures humaines du Paléolithique supérieur eurasiatique*, Anvers, 1947; А. Д. Авдеев, *Происхождение театра*, Л.—М., 1959, и др.

⁸ Зоологи Н. К. Верещагин и Р. Л. Потапв, ознакомившись с фотографиями и прорисовкой описываемых рисунков, высказали мнение, что слева направо нарисованы кабан, медведь, медведь (кабан?). Автор приносит названным исследователям свою глубокую благодарность.

(в виде перекрестий с утолщением посредине) означают, скорее, составные части ловушки, куда попал зверь. Второе возможное, но менее вероятное, объяснение этих линий — сильно стилизованные фигурки людей, окруживших животное. И, наконец, нельзя не вспомнить зага-

Рис. 5. Грот Шахты, центральная группа изображений, деталь

дочные знаки палеолитических пещер, иногда сопровождающие рисунки животных — «клавиформы», значение которых все еще остается неясным. Следует также отметить нарисованную «бордовой» краской, плохо сохранившуюся стрелу, помещенную у ушей. Отдельные пятна такой же краски заметны и выше спины. Непонятна разорванная линия, проходящая через туловище.

Напротив нарисовано другое животное (длина 60 см). Это массивный зверь, изображенный в момент прыжка. Контур рисунка уверенный, четкий. Хорошо заметен клык, выдающийся над верхней губой, и рот, переданный несколькими штрихами. Ноги не детализированы, даны очень условно, видна только обращенная к зрителю лапа. У передних более темной краской нарисовано острие (рогатина?), на которое напоролось животное (рис. 3, в центре; рис. 5).

Изображение медведя в среднеазиатских наскальных рисунках отсутствует. Медведя рисовали вообще чрезвычайно редко даже в тех областях, где он водился в изобилии. Интересно, что среди тысячи рисунков Шишкинских скал есть только одно изображение, напоминаю-

Рис. 6. Грот Шахты. западная фигура и перекрывающий ее рисунок

щее медведя⁹. Это животное не часто встречается и в петроглифах Белого моря и Онежского озера. Несколько более распространено в наскальных рисунках Средней Азии изображение дикого кабана. Но для Таджикистана известен пока только один рисунок (совершенно отличный по стилю от наших) — у пос. Шайдан в Северном Таджикистане¹⁰. В опубликованных рисунках Зараут-сая (Сурхан-Дарьинская область Узбекской ССР, где этот зверь сейчас водится в изобилии), изображение кабана не встречается¹¹. Интересно отметить, что кабан и медведь значительно чаще изображались в палеолитическом искусстве¹².

Следующая фигура, самая крупная, имеет длину 85 см (рис. 3, справа; рис. 6). Животное, которое здесь нарисовано, трудно определить. Массивные ноги, небольшой горб, линия живота и широкий хвост как будто говорят, что перед нами животное из семейства Bovidae (скорее всего як), но вытянутая морда, маленькие уши и отсутствие рогов¹³ заставляют зоологов видеть в этом изображении рисунок медведя. В отличие от средней фигуры здесь задние ноги изображены весьма детально, но совершенно в иной манере; очень схематично, прямыми линиями даны передние ноги. Различная степень детализации конечностей одного и того же животного изредка встречается в памятниках, начиная от па-

⁹ А. П. Окладников, В. Д. Запорожская, Ленские писаницы, М.—Л., 1959, стр. 68. Только одно изображение медведя известно и в Прибайкалье, хотя этот зверь всегда играл значительную роль в различных культах народов Восточной Сибири (А. П. Окладников, Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири, «Сов. археология», XIV, 1946).

¹⁰ В. А. Ранов, Рисунки на скалах, «Таджикистан», 1957, № 4, рис. 6.

¹¹ Трудно согласиться с А. А. Формозовым, усмотревшим в неоконченной фигуре (см. рис. 19 в кн.: А. Рогинская, Зараут-сай, М., 1950) рисунок кабана (А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 214). Против такого заключения говорят длинная шея и тонкие ноги изображенного на этом рисунке животного.

¹² S. Reipach, Répertoire de l'art quarternaire, Paris, 1913.

¹³ Так, многочисленные рисунки быков различных эпох, приведенные в работе: Н. Lengerken, Der Ur und seine Beziehungen zum Menschen, Leipzig, 1953,— имеют рога как обязательный атрибут изображения

леолитического времени¹⁴. Интересно, отметить и изображение мускулов, показанных на передней ноге животного.

Особый интерес представляют стрелы. Одна из них, самая крупная, помещена ниже загривка, другая в нижней части морды, третья летит снизу в голову зверя. Стрелы направлены с противоположных сторон, так как летят в разном направлении. В этом, вероятно, можно видеть выражение облавной охоты. Подобный момент отражен и в других памятниках искусства различных эпох каменного века — в рисунке израненного медведя из пещеры Трех братьев¹⁵, в изображении оленя, пронзенного дротиками (пещера Пена де Кондамо)¹⁶, или в более четко выраженном виде, уже с фигурами охотников — в сцене из пещеры

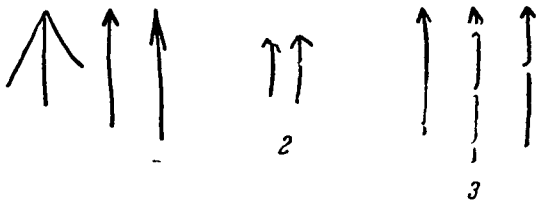

Рис. 7. Изображения стрел в палеолитических рисунках: 1 — из пещеры Трех братьев; 2 — из пещеры Нио; 3 — из пещеры Ласко

Аранья¹⁷ и Зараут-сая¹⁸, а также многих других. Правее передней ноги имеется толстая линия — древко, идущее до нижней части морды зверя. Этот предмет может изображать гарпун. Одновременно он напоминает рисунки стрелы без наконечника, встречающиеся в изображениях из пещер Нио¹⁹, Ласко²⁰, в рисунках из Залавруги²¹ и других.

Манера передачи боевой части стрелы в наскальных изображениях весьма разнообразна. Для нас важно, что форма, которую мы встречаем в гроте Шахты, находит аналогии среди очень древних палеолитических рисунков (рис. 7). Такие стрелы известны из пещер Портель, Нио, Комбарель, Трех братьев, Ласко и многих других²². В более поздних рисунках мезолитического и неолитического времени появляются уже другие наконечники стрел, а упомянутая архаическая форма встречается все реже и реже. Это можно проследить на хорошо изученных позднепалеолитических изображениях из Восточной Испании²³. Иной характер имеют наконечники стрел и в зараут-сайских рисунках. В тех редких случаях, когда стрелы, близкие к нашим по форме, встречаются уже в эпоху металла в сценах охоты, выбитых или нарисованных на скалах, они всегда связаны с фигурой стрелка, или же, как исключение,

¹⁴ Особенно напоминают конечности на нашем рисунке ноги слона из пещеры Кастильо; ср. также и другие рисунки в кн. S. Reipach, Указ. раб., стр. 43, 44, 74, 65, 103, 104 и др.

¹⁵ H. Begouen, H. Breuil, Les cavernes du Volp, Paris, 1958, стр. 47—48, рис. 52.

¹⁶ H. Breuil, Quatre cent siècles d'art pariétal, Montignac — Dordogne, 1952, рис. 50.

¹⁷ С. Н. Замятин, Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита, сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LIV, М.—Л., 1960, рис. 4.

¹⁸ А. Рогинская, Указ. раб., табл. I.

¹⁹ S. Reipach, Указ. раб., стр. 163, 165, 168—169.

²⁰ F. Windels, The Lascaux cave paintings, London, 1949, стр. 53, 55.

²¹ В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. II, М.—Л., 1938, табл. 6.

²² H. Breuil, Указ. раб., рис. 94, 110, 127, 134, 143, 145, 367 и др.

²³ Например, H. Kühn, Kunst und Kultur der Vorzeit Europas, Berlin und Leipzig, 1929, рис. 105, 108, 110, табл. 83 и др.

с изображением лука²⁴. Но не только архаическим обликом стрел интересно описываемое изображение. Очень важно и смысловое значение рисунка, безусловно близкое к широко известным палеолитическим изображениям животных, пораженных стрелами, и прежде всего знаменитому изображению бизона из пещеры Нио. Охотничья магия настолько ярко выражена в нашем рисунке, что объяснение его не нуждается ни в каких дополнительных сравнениях.

Отсутствие изображений охотников, непосредственно участвующих в охотничьей сцене, объясняется обычно тем, что на ранних этапах развития искусства охотник сам является действующим лицом магического обряда²⁵, поэтому наличие фигур охотников справедливо рассматривается как признак сравнительно позднего, уже собственно не палеолитического возраста рисунка. Следует отметить также, что уже в мезолитических рисунках, тем более позднейших, в противоположность палеолитическим, стрелы помещаются не внутри контура тела животного, а вне его, они как бы воткнулись в зверя, а древко стрелы находится снаружи. Такие изображения, как лоси со стрелами, помещенными внутри тела (Шишкино), являются для этого времени исключением²⁶. Еще более характерно присутствие охотника для рисунков эпохи металла, причем здесь чаще всего встречается одиночная фигура охотника.

Ниже описанного рисунка нанесено много линий, сделанных «бордовой» краской, понять значение которых очень трудно (рис. 3, справа внизу). Они могут относиться к изображению, нанесенному поверх двух крайних западных фигур. Этот рисунок не сохранился — прослеживается только часть контура крупного животного с горбом на спине.

Итак, при всех возможных вариантах, из трех животных, нарисованных на стене грота Шахты, два — страус (?) и кабан в настоящее время не встречаются на Восточном Памире²⁷. Ярко выраженная охотничья магия свидетельствует о том, что здесь изображены реальные животные, жившие в данном районе. Поэтому справедливо рассматривать их как представителей былой фауны этой области, существовавшей в иных климатических условиях.

Изображение на рисунках из грота Шахты фигуры человека, замаскированного под страуса, не должно нас особенно удивлять. В Центральной Азии и прилегающих областях находки яиц страусов известны не только для нижнего плейстоцена или эпохи отложения лёссов, но и гораздо позднее. На стоянках первобытного человека обломки скорлупы яиц этой птицы встречаются вплоть до неолита²⁸. И хотя одновременность существования первобытного человека и страуса в Центральной Азии еще не доказана, позитивное решение этого вопроса представляется возможным²⁹. Более того, не исключено, что страусы жили и позднее. А. П. Окладников обнаружил рисунок птицы, напоминающей

²⁴ А. Д. Грач, Петроглифы Тувы, II, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XVIII, М.—Л., 1958, табл. XXVI; A. H. Francke, *The Dards at Khalatse in Western Tibet*, «Memoirs of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta, 1906, т. I, № 19, табл. XVI, I, XVII, II и мн. др.

²⁵ С. В. Иванов, Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита, «Сов. этнография», 1934, № 4, стр. 92.

²⁶ А. П. Окладников, Шишкинские писаницы, Иркутск, 1959, стр. 19.

²⁷ Вертикальная граница распространения дикого кабана не превышает высоты 3000 м (В. И. Чернышев, Фауна и экология млекопитающих тугаев Таджикистана, Труды АН ТаджССР, т. LXXXV, 1958, стр. 152).

²⁸ Г. П. Сосновский, О находках древней каменной индустрии и остатков страуса в Селенгинской Даурии, «Сообщения ГАИМК», 1932, № 11—12; Л. Н. Иванов, Остатки ископаемого страуса в западном Забайкалье, «Труды Иркутского гос. ун-та», серия геологическая, 1958, вып. 2; Chêng te-K'ün, *Archaeology in China*, т. I, Cambridge, 1959, стр. 39.

²⁹ P. R. Lowe, *Struthions remains from China and Mongolia, with descriptions of Struthio Wimani, Struthio Andersoni and Struthio Mongolicus Sp. nov.*, «Palaeontologia Sinica», Ser. C, 1931, т. VI, вып. 4, стр. 30.

страуса, в забайкальских писаницах эпохи бронзы³⁰, а находки яиц страуса в Средней Азии отмечены уже в историческое время³¹.

Попробуем теперь определить дату наших рисунков и место, которое они занимают среди наскальных изображений окружающих районов. В отдельных случаях в наскальных изображениях различных эпох металла животные изображаются контуром, линейно³². Но общий облик рисунков из грота Шахты, их смысловое содержание и отмеченные выше архаические черты позволяют сразу исключить из круга аналогий громадное число рисунков, выбитых или выгравированных на скалах и валунах в различных районах Центральной и Средней Азии. Ни одна из известных групп петроглифов этой территории (включая Казахстан и Алтай) при наличии отдельных элементов сходства не может быть в целом сопоставлена с рисунками из грота Шахты. Это заставляет нас искать аналогии в более ранних памятниках первобытного искусства.

Для датировки рисунков немаловажную роль играет способ их нанесения. Рисунки, сделанные краской, для Средней Азии не типичны. За редким исключением³³, подобные рисунки, хотя бы частично, относятся к эпохе первобытно-общинного строя. Это подтверждается также памятниками из других районов: в литературе отмечалось, что древнейшие наскальные изображения Сибири и Казахстана, в отличие от более поздних, выбитых на скалах, нанесены краской³⁴. Это еще одно свидетельство, хотя и косвенное, в пользу ранней даты рассматриваемых рисунков.

Наиболее интересным для сопоставления памятником служит, естественно, Зараут-сай, опубликованный, к сожалению, пока только в самых предварительных чертах³⁵. Этот замечательный комплекс, исследованный археологом-краеведом Г. В. Парфеновым, расположен в юго-западных отрогах Гиссарского хребта (горы Кугитанг-тау). Здесь на стенках и потолках небольших гротов открыто более 200 рисунков, сделанных охрой различных оттенков. Наиболее обоснованную датировку этого памятника предложил А. А. Формозов: мезолит — неолит, причем, по мнению этого исследователя, наиболее вероятно неолитическая или энеолитическая дата³⁶.

Безусловное сходство имеется между замаскированными фигурками охотников из Зараут-сай и грота Шахты (ср. наш рис. 3 и рис. 4, 2). Следует только отметить, что во втором случае фигурка несколько более реалистична. Детали рисунка здесь переданы с большей тщательностью. Стилистически же другие рисунки обоих памятников очень резко отличаются друг от друга. Прежде всего, в Зараут-сае почти не встречается контурных изображений (Г. В. Парфенов отмечает один случай). Размеры зараутсайских рисунков меньше, самые крупные (а их мало) достигают 30 см длины, распространены очень мелкие фигурки (до 4 см). Рисунки темные — полностью покрыты краской. Иной характер имеет и содержание рисунков — в Зараут-сае мы встречаем облавную охоту, в которой участвуют замаскированные в широкие плащи охотники.

Трудно найти черты сходства и среди других ранних изображений Средней Азии. Наиболее близко расположенная к гроту Шахты неболь-

³⁰ А. П. Окладников, О датировке забайкальских писаниц, «Записки Бурят-Монгольского научно-исслед. ин-та культуры», вып. XV, 1952, стр. 58.

³¹ М. Е. Массон, Яйца страусов в Узбекистане, «Социалистическая наука и техника», Ташкент, 1935, № 5, стр. 82—83.

³² Например, И. М. Джафарзаде, Наскальные изображения Кобыстана, Труды Ин-та истории АН АзССР, т. XIII, 1958; В. А. Ранов, Наскальные изображения у кишлака Наматгут, «Изв. Отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. 14, 1957, стр. 67—70.

³³ А. П. Поцелуевский, Наскальные изображения в долине реки Чандыр, «Изв. Туркменского филиала АН СССР», 1948, № 1.

³⁴ А. А. Формозов, Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика, «Сов. этнография», 1950, № 3, стр. 175.

³⁵ А. Рогинская, Указ. раб.

³⁶ А. А. Формозов, Книга о наскальной живописи Узбекистана, стр. 215

шая группа рисунков из пещеры Ак-Чункур на Сары-джасе (Киргизия), часть которых датируется А. П. Окладниковым неолитом³⁷, не дает нам прямых аналогий. Рисунки из Ак-Чункура ближе, пожалуй, к схематизированным изображениям Урала и Казахстана. Последние датируются А. А. Формозовым эпохой бронзы³⁸. Для Средней Азии единственным памятником этого времени, достаточно убедительно датированным, является комплекс наскальных знаков из Кара-тюбе³⁹. Рисунки же быков со скалы Сураты в Южной Киргизии, отнесенные к эпохе бронзы⁴⁰, могут относиться и к более позднему времени, хотя не исключено, что М. Э. Воронец предложил правильную датировку.

Обратимся теперь к более отдаленным территориально памятникам. Как и в первом случае, мы будем рассматривать только наиболее ранние из них. Хорошо изученные петроглифы Белого моря и Онежского озера выполнены совершенно в ином стиле, что исключает возможность прямых сопоставлений. То же можно сказать и о сильно стилизованных, сосуществующих с мало понятными знаками — символами, рисунках из пещеры у с. Баламутовки, которые датируются мезолитом. Исследователь относит последние к каспийской группе наскальных изображений⁴¹. Более интересны ранние изображения Каменной Могилы. Не касаясь сложного вопроса о датировке этого памятника, отметим возможность сопоставления некоторых изображений из его первого грота⁴² с нашими рисунками. Несмотря на различные приемы, которыми выполнены изображения Каменной Могилы и грота Шахты, их сближает общая степень «полуреализма», манера передачи фигур контуром и т. д. Наиболее же близкими по стилю и характеру исполнения к шахтинским нам кажутся древнейшие рисунки Шишкинских скал, в особенности несколько изображений ранне-неолитического времени, в которых, по словам А. П. Окладникова, «можно видеть прямое продолжение древней художественной традиции палеолитических мастеров»⁴³.

Что касается прилегающих областей Центральной Азии, то наиболее ранние рисунки, обнаруженные де-Терра и отнесенные им к «предысторическому» времени⁴⁴, вряд ли значительно отличаются от обычных наскальных изображений эпохи металла.

Основная часть наскальных рисунков Индии связана с ее центральными районами. Судя по последней сводке Д. Гордона, палеолитических изображений среди них нет⁴⁵. Наиболее хорошо изученная группа красочных изображений из Махадео-Хилл (самые ранние рисунки — неолитические) не имеет аналогий с нашими памирскими рисунками. Палеолитические изображения, описанные А. Гхошем⁴⁶, по мнению многих исследователей, более поздние (в одной из пещер автор отмечает, между прочим, фигуру страуса) и также не имеют ясных точек соприкосновения с гротом Шахты. Заслуживают внимания, пожалуй, только неолитические

³⁷ А. П. Окладников, В. И. Рацек, Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня, «Изв. Всесоюзного географического об-ва», т. 86, вып. 5, 1954, стр. 449—452.

³⁸ А. А. Формозов, Наскальные изображения Урала и Казахстана, стр. 175.

³⁹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 72—76.

⁴⁰ М. Э. Воронец, Наскальные изображения Южной Киргизии, Труды Киргизского гос. пед. ин-та, серия историческая, вып. 2, 1950, стр. 83.

⁴¹ О. П. Черныш, Нова пам'ятка Первісного мистецтва, «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», Київ, 1959, вып. 2, стр. 53.

⁴² О. Н. Бадер, Древние изображения на потолках гротов в Приазовье, «Материалы и исследования по археологии СССР», 2, М.—Л., 1941, рис. 2—4.

⁴³ А. П. Окладников, Шишкинские писаницы, стр. 42.

⁴⁴ H. de Terra, Prehistoric caves north of the Himalaya, «American Anthropologist», N. S., т. 33, № 1, 1931, стр. 50.

⁴⁵ D. Gordon, The prehistoric background of Indian Cultures, Bombay, 1958, стр. 98; см. также: J. Orłowski, Indyjska sztuka skalna w świetle dotychczasowych badań archeologicznych, «Archeologia», т. VII, вып. 2, Warszawa—Wrocław, 1957, стр. 9—10.

⁴⁶ M. A. Ghosh, Rock-paintings and other antiquities of prehistoric and later times, «Memoirs of the archaeological Survey of India», № 24, Calcutta, 1932, стр. 9—11.

тические рисунки быков, выбитых контуром на скалах у Райхура, хотя они и изображают, по мнению Ф. Альшина, домашних животных⁴⁷, а также сцена охоты с горы Каймур у Мирзапура. Полуреалистический — полустилизованный характер изображения позволил Г. Кюну считать этот рисунок по стилю переходным от палеолита к неолиту⁴⁸. Но наличие гарпуна, который мог существовать, как отметил тот же автор, вплоть до эпохи металла, а также стилизованной фигуры человека, заставляет думать, что и данное изображение моложе шахтинских.

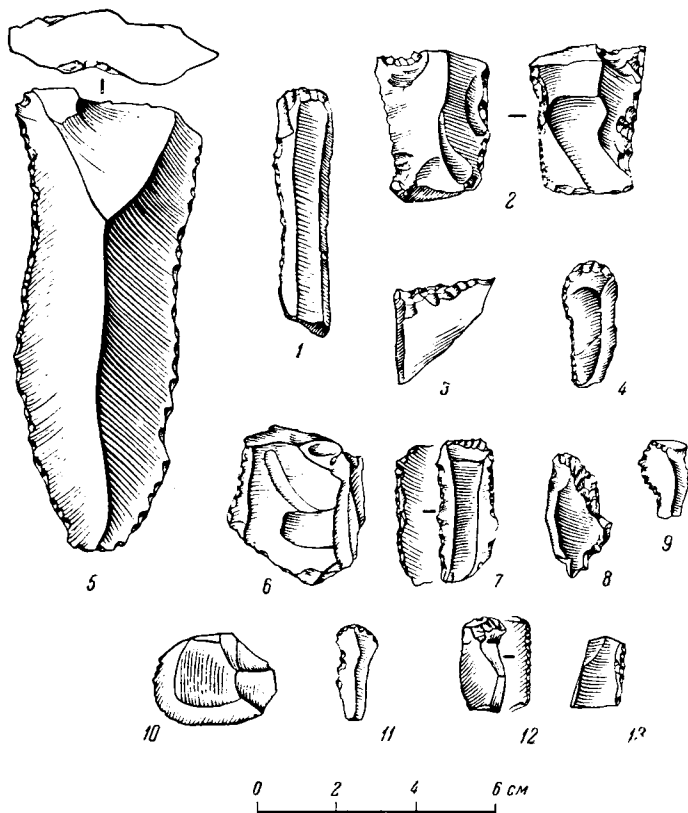

Рис. 8. Грот Шахты, каменные изделия из культурного слоя (крупная пластина поднята на склоне)

Приведенные сравнения показывают, что рисунки из грота Шахты отличаются большим своеобразием, затрудняющим их сопоставление с известными наскальными изображениями с территории СССР и некоторых близких районов зарубежного Востока. Это своеобразие обусловлено или местными особенностями приемов исполнения, или хронологическими рамками, в которые могут быть заключены наши рисунки. По своему содержанию и характеру исполнения рисунки из грота Шахты (за исключением самой восточной фигурки) стоят ближе к палеолитическому искусству, нежели к памятникам эпохи мезолита — неолита. Но вряд ли правильно будет датировать шахтинские рисунки столь ранним временем. Против этого говорит расположение рисунков в гроте, присутствие фигуры «человека-птицы» (достаточно законченного характера) и, наконец, стилистические особенности. Фигуры животных не

⁴⁷ В. Subbarao, *The personality of India*, Baroda, 1958, табл. XV, 4, 5.

⁴⁸ Н. Kühn, *Paläolithische Kunst in Indien*, «Jahrbuch für Prähistorische und Ethnographische Kunst», I, 1926, стр. 184.

являются полностью реалистическими. Это «полуреализм», который, по мнению Г. Кюна, стоит между реализмом палеолитического искусства и стилизацией последующей эпохи. Это «...стилизация, развивающаяся в старых линейных формах»⁴⁹.

Поэтому для датировки приходится прибегнуть к косвенным данным и считать, что наиболее вероятный возраст наших рисунков должен соответствовать времени появления первых (после оледенений) людей на Восточном Памире, что, вероятно, соответствует мезолиту — раннему неолиту⁵⁰. Необходимо особо подчеркнуть архаичность большей части описанных изображений. Последняя позволяет установить их генетическую связь с образами и представлениями эпохи палеолита, как это имеет место, например, в неолитических рисунках северной части Европы⁵¹.

Мало помогает пока разрешению вопроса о датировке присутствие культурного слоя каменного века, обнаруженного в траншее, заложеной в гроте. Облик культуры, носителями которой были жившие в гроте люди, остается еще не совсем ясным. Из траншеи, пройденной до скалы, были добыты только мелкие отщепы, несколько тонких ножевидных кремневых пластинок с микролитической ретушью, нанесенной с бруска, и один обломок нуклеуса со следами скальвания узких правильных пластинок (рис. 9). К тому же одновременность культурного слоя и рисунков в гроте вероятна, но не обязательна⁵².

Предлагаемая интерпретация рисунков из грота Шахты носит, естественно, предварительный характер. Описанные рисунки, бесспорно, заслуживают внимания исследователей: их своеобразие и близость к известным образцам палеолитического искусства позволяет отнести их к наиболее ранним наскальным изображениям на территории СССР; особый интерес придает этим рисункам то, что они были сделаны первобытными охотниками в труднодоступной горной области, находящейся на высоте более четырех километров над уровнем моря, и являются, таким образом, самым высокогорным в мире памятником первобытного искусства.

SUMMARY

In 1958, in the Eastern Pamirs (Shakhty I Grotto in the environs of the settlement of Murghab) the author of the present article discovered ancient rock paintings. Four of the seven paintings were preserved in fine shape. Traced on an inner wall of the grotto in red mineral paint of a light («brick») and darker («claret») hue, the paintings represent the figures of a man masked as a bird, of animals — wild boar, bear (?) and bull (?), and also arrows pointing in different directions. The peculiar nature of these paintings vis-à-vis analogous paintings from other areas should be stressed.

A comparison of the paintings from Shakhty I Grotto with a variety of rock paintings in Europe, Asia and Africa, leads us to date the former by the Mesolithic or early Neolithic period.

Particular attention attaches to the paintings from Shakhty I Grotto because they are the most high-mountain of all known relics of prehistoric art.

⁴⁹ H. Kühn, Die Felsbilder Europas, Zürich — Wien, 1952, стр. 55.

⁵⁰ В. А. Ранов, Первые памятники каменного века на Памире, «Материалы II Всесоюзного совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 185—190.

⁵¹ В. И. Равдоникас, Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря, «Сов. археология», III, 1937, стр. 5.

⁵² Ср. Н. Вгеил, Указ. раб., стр. 37.